

Паровоз в частной собственности

Частный музей в России — явление малоизученное. Кто открывает? Зачем? Почему? Экскурсоводы, намотавшие не одну тысячу километров в Переславль-Залесский, ответов на эти вопросы не знают, а там возникли уже три музея на личные средства местных жителей.

Корреспонденты «МН» отправились на разведку. Что приятно: интернациональная аудитория в нашем автобусе тоже жаждала встречи «с русским паровозом». Японцы, например, ошалевшие от достопримечательностей Золотого кольца, всё время косили глазом на выход и, едва увидев дрезину, кинулись на неё с самурайскими криками, невежливо оттеснив представителей других национальностей. Снять Японию с допотопного средства передвижения удалось только к вечеру.

— Сейчас будут торговать машину, — сказал директор Музея узкоколейки Сергей Дорожков и выставил табличку «Ничего не продаётся».

Интернациональная экскурсия разочарованно уехала. А корреспонденты «МН» остались, потому что им тоже охота покататься на музейных экспонатах и поглядеть, как, например, устроена ходовая часть паровоза 1892 года выпуска. Нормально. Всё движется, пыхтит и постукивает — можно хоть сейчас в путь по узкоколейке от посёлка Купанского через сосновый лес и Блудово Болото к посёлку Талицы.¹ Дальше ветки нет, она вообще одна на весь мир. Так сказал Сергей. А раньше длина узкоколейных железных дорог — если сложить — была даже больше, чем длина нынешних железнодорожных путей.

Вот когда весь мир окончательно переключился на прогресс, отказавшись от узких рельсов и отсталой техники, нашлись умные люди и собрали их в одном месте.² Задача директора Сергея Дорожкова — привести одряхлевшие механизмы в чувство и заставить работать лучше прежнего.

В коллекции 50 крупных предметов, включая всякие полуторки и «кукушки» времён Гражданской войны. Все работают. Мелкие тоже на ходу, но сколько их, понять невозможно из-за постоянного мельтешения.

— Кто же будет считать всякую мелочь, — сказал директор любопытным корреспондентам. — Мы не государственный музей, инвентаризация нам ни к чему.

Зато точно известно, что верхняя граница старины — 1950 год, более поздние изделия в компанию не берут, обзывая «ширпотребом». И правильно. Ширпотребом народ не интересуется. Его почему-то даже современные политики не уважают, хотя этого добра в стране навалом.³

— КПРФ недавно запрашивала у музея броневик 1917 года для рекламной кампании Геннадия Зюганова. За большие, между прочим, деньги, — рассказывает Дорожков. — Не дали. С какой стати? Нам история дороже политики.

**Бутузова, Л.* Паровоз в частной собственности / Л. Бутузова // *Московские новости*. — 2004. — 30 июля. — С. ?.

¹ Ветка от Купанского до автомобильной дороги разобрана в 2004 году. — *Ред.*

² Журналист врёт о том, что узкие рельсы чужды прогрессу. На самом же деле регулярный вывоз леса с участков на автомобилях и дорожке, и разрушительнее для дорог и леса, чем вывоз поездами узкой колеи. — *Ред.*

³ Талицкий музей вообще не краеведческий. История собственных торфовозных железных дорог им не интересна. Поэтому людям, которые интересуются переславской историей, в талицком музее делать нечего. — *Ред.*

Попиариться с утюгами и чайниками никому из известных деятелей в голову пока не пришло. Но если что, Андрей Воробьёв, владелец двух музеев, даст поносить любой раритет.

— Семья идёт на всё ради пропаганды русского быта, — заявил его папа Борис Кузьмич, состоящий главным специалистом при утюгах.

Жертвы, похоже, не преувеличены. Это чувствуется уже на подходе к музею. По запаху и нескончаемой очереди к домику неизвестного архитектора. Его — единственный на весь Переславль-Залесский — для общего пользования Воробьёвы установили на музейном огороде. Соседи болтают, будто в корыстных целях — для заманивания экскурсантов. Но с сортиром одни хлопоты, а вход — бесплатный. Бросить в ступку — сколько не жалко — можно на выходе. После экскурсии.¹

— На эти средства и развиваемся, — сказала хозяйка семейного предприятия Жанна Алексеевна. — Всё, что у нас было до этого, съели экспонаты и особняк. Зато мы первыми догадались сделать из утюгов музей.

Для утюгов Воробьёвы приспособили купеческий дом XVII века, а то раньше они вперемешку с хомутами и прялками захламляли квартиру и гараж. Всякую утварь ради интереса подбирал на свалках старший сын Андрей, а потом выяснилось, что найдено много исторически ценного — надо бы другим людям показать, пусть позабавятся. Музей и в самом деле получился забавным. Начиная с того, что выставленные на конкурс три обгоревшие стены город оценил в стоимость «новорусских» хором. Воробьёвы вообще-то старые русские, но напряглись и отбили стены у одной местной дамочки, которая собиралась приспособить их под питейное заведение. На реставрацию здания Жанна самоотверженно зарабатывала рассадой и уроками химии в местном колледже. Сыновья Андрей и Евгений тем временем перемещались по Костромской и Вологодской областям в поисках старинных утюгов и чайников, которые по непонятным причинам ещё сохранились здесь. А папа Борис Кузьмич пытался добыть хоть какие-то сведения об этих предметах быта.

— Информации практически нет, выискивал по строчкам, — сокрушается он. — Ну надо же! Незаменимая в быту вещь, а следов не оставляет.

Теперь-то глава семьи поднаторел на утюгах. Про каждый — чуть не поэма. У Воробьёвых сейчас двести нагревательных приборов. Есть редкие для России. Например, агрегат на спиртовой горелке. Понятно, почему он у нас не прижился. Какой русский будет тратить чистый спирт на такую мелочь, как глажка? А вот, допустим, в Африке нашим чугунным утюгам нет износа. Хотя пользуются ими, по сведениям Кузьмича, четыре раза в день в целях соблюдения гигиены и санитарии. Редкая долговечность российских изделий патристично объясняется высоким качеством исполнения. Но, к досаде Бориса Кузьмича, всегда попадают экскурсанты, убеждённые, что папуасам и гладить-то нечего, кроме набедренной повязки, поэтому у них и утюги не ломаются. К тому же возникает интересный вопрос: с какой радости они попали в Африку?

— Да их на все континенты раздавали, — отвечает на это подкованный Борис Кузьмич. — Утюгов в России было море. Немцы вагонами вывозили по пакту Молотова—Риббентропа. Потом из них пушки отливали и нас утюжили.

Ничего себе, мирная утварь. Но в отличие от утюгов, чайники у Воробьёвых ни в чём агрессивном не замешаны. Разве что есть один «эгоистик», судя по клейму, переживший войну 1812 года, да чайник дедушки Теплова, побывавший на Гражданской. Точно такой же был у Сухова в кинофильме «Белое солнце пустыни». Дедушка насмотрелся, как увековечили двойника, да и отдал свой чайник музею. Теперь каждый день приходит, угощается чайком. Между прочим, смотрительница Лида Полетаева наливает всем туристам. Из любого чайника — по выбору. Да хоть из трёхведёрного камбузного.

Чайники живут в собственном расписном доме. Семье Воробьёвых так понравилось быть меценатами, что они выкупили под музей ещё одну хатку.

Переславльские говорят: блажь, лучше бы отделали под дачу. Плещеево озеро в 250 метрах, лес — напротив, да такое место москвичи в сезон снимают за 5 тысяч долларов. А если продать домишко целиком — хватит на двухкомнатную московскую квартиру.

¹ В 2004 году вход стоил 20 рублей. — *Ред.*

Воробьёвы почему-то этим не соблазняются, хотя хлопот с музеями больше, чем доходов от них. А Лида Полетаева и вовсе перебралась из столицы в Переславль. Вот так: приехала на экскурсию и осталась.

— Хорошо, — говорит. — Сугробы разгребаю, печки топлю, полы мою, вещам радуюсь. А что у неё в Москве-то было? Должность экономиста — и всё. Ни утюга, ни чайника...